

Дарья Калинина

Майный притон Белоснежки

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Дарья Александровна Калинина
Тайный притон Белоснежки
Серия «Иронический
детектив (ЭКСМО)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39414724

Тайный притон Белоснежки:

ISBN 978-5-04-099014-6

Аннотация

Отпуск лучше всего проводить на даче, и не в одиночку, а в хорошей компании. Именно так рассудила Марина, отправляясь в загородный дом к подруге Кате. Вот только отдых с первого дня не задался! Оказалось, что у Кати ужасные соседи, а с местного пляжа то и дело бесследно исчезают девушки. Разве можно остаться в стороне от этой тайны?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	42
Глава 4	60
Глава 5	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

**Дарья Александровна
Калинина**

Тайный притон Белоснежки

© Калинина Д.А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

Первые жаркие дни обрушились на город задолго до наступления настоящего календарного лета. Они стали полнейшей неожиданностью для всех его обитателей. Жара стояла поистине удушающая, вдоль стен домов плыло марево, и даже асфальт под ногами внезапно сделался мягким и податливым. Только успевшая вылезти из земли трава мигом выгорела под безжалостными палящими лучами, нежные листики на липах и березах опалил жестокий зной, тонкие молодые веточки не привыкших к такой погоде деревьев поникли жалко и уныло, шелестя пожухлой листвой и взывая к небу о дожде, которого все не было.

– Никогда бы не подумала, что скажу это в нашем городе, но дождик бы сейчас никому не помешал – такими словами приветствовала всех тетя Рита – гардеробщица в поликлинике, тетка веселая и разбитная, никогда за словом в карман не лезущая. – Вон какая пылюка повсюду. Жуть! Вчера на работу шла и видела настоящий смерч. Маленький, правда, но все равно настоящий. А ты, Маринка, я слышала, в отпуск собираешься? Везучая ты.

Марина молча кивнула. Что и говорить, повезло. Когда вставал вопрос о распределении отпусков, ей, как и всем, хотелось пойти в июле – августе, которые, как известно, являются фаворитами среди летних месяцев. Ну, еще можно

было взять июнь, тоже ничего, хотя и не ахти как. Июнь в наших широтах частенько бывает холодным и дождливым. А май – это вообще непонятно что. Не отпуск, а какое-то издевательство над человеком получается.

Но заведующая, которая явно точила большой зуб на Маринку, потребовала от девушки взять либо май, либо октябрь.

– Все летние месяцы уже распределены. А ты думала, без году неделю работаешь, и уже летом тебе отпуск? Ничего, я в твои годы тоже летом работала, и ты поработаешь. Или ты хочешь, чтобы я по твоей милости оголила все участки?

И Марине пришлось согласиться. Хотя она прекрасно помнила, что в прошлом году Нина Георгиевна спокойно выделила ей отпуск в июле и даже не пикнула. Но это, конечно, было потому, что в прошлом году Марина еще встречалась с Толиком – единственным и горячо любимым сыном Нины Георгиевны. А в этом... В этом уже не встречалась. А стало быть, и в летнем отпуске больше не нуждалась.

– Или в мае, или в октябре, или... вообще увольняйся!

Увольняться Марине совсем не хотелось. Невзирая на противную заведующую, работа ее вполне устраивала. Марина трудилась участковым терапевтом или, как теперь называлось, врачом общей практики. Но как ни назови, а суть от этого не изменится. Марина бегала по участку, держала руку на затихающем пульсе у многочисленных бабушек, которые и составляли костяк ее пациентов. Молодые болели

редко, им было некогда болеть, они все больше работали. А вот у старушек иных развлечений на пенсии было мало. И молоденькая симпатичная докторица Марина составляла неременный атрибут их жизни.

Марина знала, что старушки, улыбающиеся ей в лицо, потом потихоньку бегают жаловаться на нее заведующей. Мол, очень уж молодая и неопытная врач, то лекарство не так назначила, то не до конца выслушала. Но здесь Марине снова повезло. Еще больше, чем бывших невест своего сына, Нина Георгиевна не любила всяких там старух-кляузниц. Поэтому в первую очередь доставалось самим бабкам, на которых заведующая орала без всякого стеснения и во весь голос.

– Даром вас государство лечит, а они еще недовольны! Ни стыда ни совести! Прекрасного молодого специалиста им выделили! А вы все недовольны! Хотите опять Розу Францевну назад?! Или кого-нибудь ей под стать?

Упоминание о Розе Францевне мигом отрезвляло всех жалобщиков. Потому что Роза Францевна держалась на своем посту до последнего издыхания. По участку на вызовы она не ходила вовсе, а просто требовала, чтобы пациенты сами приходили к ней. Обычно она спускалась вниз в регистратуру, брала список вызовов и начинала обзванивать всех пациентов подряд.

– Что у вас случилось? Сердце давит? «Скорую» вызывайте! – орала она в трубку. – Чем я-то вам помогу? Я же терапевт, а не кардиолог!

Следующий вызов был с давлением.

– И сколько у вас сейчас давление? – интересовалась Роза Францевна. – Сто восемьдесят на сто? И чего? В первый раз у вас такое? Нет? Что принимать, знаете? Вот примите таблетку и приходите.

Повышенная температура, кашель и прочая ерунда также не вызывали у нее уважения:

– Сколько температура? Тридцать восемь? И сопли? Милочка, сколько вам лет? По голосу слышу, что уже не девочка. Неужели из-за такой ерунды я к вам побегу? До седых волос дожили, а сами не знаете, что принимать в таких случаях?

В общем, так и получалось, что при серьезных проблемах Роза Францевна не ходила к больным, потому что все равно не могла им помочь, а пациентам с легким недомоганием предлагалось явиться к ней лично. Розу Францевну можно было понять, годков ей самой было уже немало. Сколько именно, не знал никто из рядового состава. Который год подряд всей поликлиникой они праздновали семидесятилетний юбилей Розы Францевны. Но, как известно, сколько веревочке ни виться, конец все равно найдется. Стукнуло и Розу Францевну. Да еще прямо на рабочем месте, так что зарплату за этот день ей пришлось начислить.

Нового врача найти долго не удавалось. И Марине поручили вести сразу два участка.

Нина Георгиевна так и распорядилась:

– Бери больных нашей Францевны, они у нее неизбалованные. И к тому же все равно ты их до сих пор и обслуживала.

Марина и впрямь частенько забегала к тем пациентам, к которым никак уж нельзя было не пойти. За это Роза Францевна торжественно презентовала молодой коллеге в конце месяца коробочку конфет из своих личных запасов. Конфеты эти лежали у нее в закромах не по одному году, шоколад в них был покрыт белым налетом, а начинка по твердости могла соперничать с камнем. На одной коробке Марина с удивлением прочитала, что изготовлена она была еще в РСФСР. А значит, конфеты эти были старше самой Марины. Преисполнившись уважением к такой седой древности, Марина поставила эту коробку у себя в серванте под стекло и показывала всем желающим.

Но вот на работе начались выкрутасы. И, к удивлению Марины, те же бабульки, которые спокойно сносили наплевательское отношение к ним Розы Францевны и ее командирские замашки, ни разу даже не пикнули и не пожаловались на возмутительный пофигизм последней, теперь наперебой начали жаловаться на Марину. Хотя ее в манкировании должностными обязанностями никак нельзя было обвинить. Напротив, Марина из кожи вон лезла, чтобы для каждой пациентки выбить все полагающиеся той процедуры, назначить наилучшее лечение и вовремя послать на обследование.

– И где благодарность? – сетовала Марина, когда слышала

очередной наговор на себя.

– Слишком ты мягкая, – объясняла ей тетя Рита, которая всегда и про всех все знала. – Поэтому всякая швабра сама о тебя ноги вытереть норовит. Ты с ними поостороже будь. А то разбалуешь своих старух, другие участковые, которые после тебя придут, спасибо не скажут.

Но что могла поделать со своей натурой Марина? Да, она не любила спорить и настаивать на своем. Предпочитала пойти человеку навстречу. Так и с отпуском. Ну, хочет Нина Георгиевна отправить ее в отпуск в мае, пускай. И уступчивость Марины неожиданно дала свои результаты. Лето наступило куда раньше, чем его все ждали. И последний свой рабочий день Марина то и дело заглядывала в прогноз погоды, чтобы убедиться, что и на ближайшие десять дней там все так же солнечно и безоблачно.

Точно такое же настроение было и у самой Марины. Солнечное. Единственное, что его немного подпортило, так это появление Толика со своей новой мадам. Чем эта туша была лучше ее, Марина так понять и не сумела, сколько ни пыталась. Так и эдак заходила, под разными ракурсами рассматривала. И все равно не понимала. Разве что тем, что новая пассия Толика была разительно похожа на его мамашу. Но если Нине Георгиевне по ее солидному положению да и возрасту полагалось обрести некоторую увесистость определенных частей туловища, то какое оправдание было у Настеньки? Никакого, кроме непомерного самомнения и тщеславия,

кстати говоря, ровным счетом ни на чем не основанных.

Настенька, насколько поняла Марина, даже более или менее приличным образованием обзавестись не удосужилась. Флорист! Толик откопал ее в каком-то цветочном магазине, где покупал тепличные розочки своей мамуле к Восьмому марта. Настенька убедила его, что дарить просто цветы – это прошлый век, теперь все гоняются за цветочными композициями, составленными опытным флористом, ну вот таким, как она сама, например. И действительно соорудила нечто огромное и нелепое с торчащими отовсюду птичками, мигающими фонариками и мишурой. Марина ужаснулась, когда страшно гордый Толик продемонстрировал подарок, который им полагалось нести. Композиция была настолько громоздкой, что закрывала всю верхнюю половину Толика, совсем невеликую, но все же.

– И ЭТО ты хочешь дарить? Немедленно верни обратно в магазин! Это же уродство!

Толик обиделся. Он объяснил, что у Марины устаревшие понятия о красоте, на что та сказала, что красота либо есть, либо ее нет. Но Нину Георгиевну букет неожиданно привел в полный восторг.

– Вот видишь! – воскликнул Толик, глядя на Марину с торжеством. – А ты сказала, что это вульгарно!

И они с мамой на пару изгалялись, весь вечер подшучивая над Мариной и ее устаревшим вкусом. И весело провели время. То есть Толик со своей мамулей весело, а Марина

так себе. И с тех пор что-то у Марины с Толиком разладилось. Нет, не то чтобы они всерьез поссорились, но как-то так все криво и косо у них стало. И не прошло и недели с того злополучного Восьмого марта, как Толик съехал от Марины обратно к мамуле. А потом и вовсе заявил, что их отношения нуждаются в передышке. А передохнув, сообщил Марине, что он от нее уходит. И все из-за Настеньки, которая, не мешкая, въехала в роскошную четырехкомнатную квартиру Нины Георгиевны, куда, как помнилось Марине, мать Толика поклялась не пустить ни одну невестку. И ничего, пустила.

А теперь вот еще и отпуск на май Марине выписала. А отпуска распределяли еще в марте. И значит, еще тогда Нина Георгиевна знала, что у ее Толика с Мариной кончено. А сказать не удосужилась. И про то, что отдохнуть она отправляется в мае, Марина узнала лишь несколько дней назад. И что ей теперь делать? Конечно, можно полететь по горящему туру в какую-нибудь безвизовую страну. Но одной не хотелось. Как-то и скучно, и страшновато. Всяко лучше, когда есть компания. Вот только где ее подберешь за такое короткое время?

И все же, когда Марина вышла из здания родной поликлиники, она окунулась в такой густой и такой насыщенный выхлопами городской жар, что поняла: провести отпуск в городе – это значит дать Толику и его Настеньке окончательно восторжествовать над собой. И Марина медленно побре-

ла куда глаза глядят. Купила себе мороженое и водички, потому что хотелось и охладиться, и напиться, а потом уселась на скамейке в парке.

У водоема росли две плакучие ивы, которые Марина помнила с детства. Их вид умиротворил девушку. Ивы вот никуда не едут в отпуск и ничего, живут не хуже других деревьев. Съев мороженое, Марина задумчиво уставилась прямо перед собой. Настроение у нее вновь стало падать. Может, деревья в отпуск и не ездят, но она-то не дерево. Впору было подумать о том, чтобы выбраться куда-нибудь подальше от раскаленного бетона города, куда-нибудь туда, где щебечут птички, веет легкий ветерок, плещется прохладная водичка.

И внезапно Марина воскликнула:

– Нет, не позволю я этим гадам испортить мне жизнь!

И все снова стало легко, просто и ясно. Если не позволит, значит, надо действовать, а не сидеть. Достав сотовый, Марина набрала номер Катюши, которая была ее давней и очень хорошей приятельницей. И у которой в последнее время нарисовалась свободная дача.

– Ты где? – спросила Катюша и тут же сама сказала, не дожидаясь ответа Марины: – А я в гамаке качаюсь, на небо сквозь ветки яблони смотрю. Красота! Ветерок, птички поют, вечером купаться на озеро пойду.

– Ты прямо мои мечты слизнула.

– Тоже хочешь купаться?

– Ага! И чтобы ветерок и птички.

– Так приезжай, – дружелюбно произнесла Катя, которая вообще была человеком очень добрым и гостеприимным. – Прямо сейчас бери манатки и приезжай. Я тебя уже жду. Жанна тоже обещала приехать. Втроем славно повеселимся.

Катино предложение пришлось как нельзя более кстати. И Марина поспешила домой, собирать вещи. Потом она заглянула в магазин. Марина помнила, что Катя всегда была любительницей вкусно, а главное, обильно покушать. И пока Марина выискивала вдоль полок самые соблазнительные лакомства, дневной зной совершенно схлынул, и на город опустился мягкий приятный вечер. Автомобильные пробки на выезде из города тоже уже рассосались, так что путешествие до Глубокого карьера, так называлось место обитания Кати, оказалось легким и приятным.

То есть оно было таким до тех пор, пока внезапно Марина не уперлась в железнодорожные пути и не поняла, что дальше ей дороги нет. Переживая о том, как бы не растаяло купленное заранее мороженое, девушка немножко отвлеклась от дороги и заблудилась. Она вышла из машины, огляделась по сторонам и окончательно убедилась, что в этих местах она никогда не бывала.

– Хм... Странно. Я не могла так уж сильно отклониться с пути.

И действительно, еще десять минут назад Марина была уверена, что едет совершенно в правильном направлении. Именно тогда она миновала памятник павшим в боях за эти

места воинам легендарной Красной армии. Памятник этот был Марине хорошо знаком. Они с Катей как-то даже постоянно возле него, отдавая дань погибшим на этой земле советским солдатам и офицерам.

– Но куда теперь я заехала?

По всему выходило, что нужно вернуться назад к памятнику. От него отходило две дороги, и похоже, что Марина выбрала неправильный путь. Да, надо было возвращаться, но... но вечерний воздух был так тих и так сладок, и так чудно шумел ветерок в верхушках деревьев, и таким покоем веяло от всей этой природы, которая окружала Марину, что она ненадолго задержалась. В конце концов, дача и Катя вместе с ней никуда не денутся, а мороженое уже все равно растаяло.

Так что Марина стояла и наслаждалась тишиной и покоем. Человеческое жильё было представлено тут слабо. За деревьями в отдалении виднелись какие-то деревянные дачные домики, отгороженные от проезжей части лишь реденьким заборчиком. Трудно было так сразу определить, обитаемые ли эти домики или же нет. По крайней мере, в ближайших к Марине домах света в окнах видно не было.

Но, с другой стороны, набегавшись по своим старушкам, Марина повидала всяких чудачеств. И точно знала, что зачастую старушки предпочитают проводить время в сумраке. На вопрос докторши, почему не зажигают свет, объясняли примерно так:

– Лежу, привыкаю. Помирать скоро, вот хочу понять, как оно.

Так что было не исключено, что и сейчас где-нибудь в одном из домиков устроилась старушка, специально выехавшая для этого поближе к земле, чтобы, значит... того самого... привыкнуть маленько.

Сумеречный час лучше всех прочих подходит для мыслей о вечном. И Марина, сама того не заметив, погрузилась в размышления о том, что же будет с нами потом, когда нас самих тут, на земле, уже не будет. Размышлять о такого рода вещах можно сколь угодно долго, правильного ответа все равно не получишь. Но Марина загрузилась. Она стояла, думала, сама не зная о чем, грезила. И вдруг ее внимание привлекли к себе чьи-то голоса.

Марина вновь вернулась мыслями на землю и с любопытством уставилась на две темные фигурки, бредущие по узкой тропинке вдоль железнодорожного полотна. В сумерках было видно не очень хорошо, но все же Марина сумела различить, что это идут высокий юноша и миниатюрная девушка. Когда они подошли ближе, то Марина убедилась, что девушка еще очень молода, почти совсем девочка, от силы ей было лет тринадцать, может быть, четырнадцать.

Худенькая, словно тростиночка, с удивительно белой кожей, она увидела Марину первой. Увидела, вздрогнула и сделала движение, словно бы собиралась бежать к ней. Но идущий рядом с ней юноша предугадал намерение своей подру-

ги. Он поспешно схватил ее за руку и, как показалось Марине, остановил девушку.

Та не протестовала. Она лишь смотрела на Марину своими огромными глазами, и от этого взгляда той стало как-то не по себе. Ей показалось, что девушка хочет что-то сказать, может быть, даже хочет обратиться за помощью. Если бы девушка издала хоть один возглас, Марина бы кинулась к ней на выручку немедленно. Но девушка лишь смотрела, да и то недолго, потому что вскоре юноша заставил свою спутницу повернуть назад и быстро увел ее куда-то за дома.

После их ухода Марина еще какое-то время постояла, желая вернуться к прежним мыслям. Но ничего не выходило. Безмятежный покой напрочь покинул ее душу. И теперь все ее мысли были устремлены к той странной парочке.

«Кто они? По виду совсем молодые. Жених и невеста? Нет, вряд ли. Девочка совсем ребенок. Тогда кто? Брат и сестра? Тоже вряд ли. Совсем не похожи».

Юноша был темноволос, а девушка была хоть и с темными волосами, но носик у нее был кнопочкой. У юноши же на лице явно выделялся тонкий орлиный нос, какими могут похвастаться лишь сыновья Кавказа. Повинуясь не столько здравому смыслу, сколько ей самой неподвластному любопытству, Марина махнула рукой на машину и пошла по той же тропинке, по которой немного раньше прошли те двое.

Вот и поворот, за которым скрылись юноша с девушкой. Точно такие же домики. Ничего примечательного. Свет ни-

где не горит. Как только Марина отметила для себя этот факт, она тут же притормозила.

«Странно. Ну, старушки – это еще понятно. Электричество экономят или по какой другой причине они могут и в потемках посидеть. Но молодые люди? Им веселье подавай, свет и музыку. Станут они тебе в темноте сидеть, как же!»

Так и не найдя ответа на свой вопрос, Марина решила, что молодые люди просто еще не вернулись домой с прогулки. А что маршрут сменили, мало ли какая у них на то была причина. Забыли что-нибудь. Или просто настроение изменилось. Вот только почему оно изменилось так резко и именно при виде самой Марины? Это было непонятно.

И, добравшись до Кати, она поведала об этой неожиданной встрече во всех подробностях. А потом еще и присовокупила:

– Как хотите, а мне кажется, что парень нарочно увел девочку от меня подальше. Она хотела ко мне подойти, даже шаг навстречу сделала, а он ей этого не позволил. Остановил и удержал возле себя.

Но Катя с Жанной отнеслись к ее рассказу скептически. Жанна даже не преминула съехидничать на этот счет:

– Ты у нас, Марина, известная фантазерка. Напридумывала невесть чего. А всего-то и дел, что парень с девушкой надумали уединиться, а тут ты. Ты им помешала! Забыла уже, как это бывает, когда тебе не сто лет?

Марина пропустила мимо ушей намек Жанны на ее сто-

летний юбилей. По правде сказать, Жанна была моложе Марины всего на полтора года, но при всяком удобном и неудобном случае спешила напомнить об этом.

– А свет они почему не зажигали? Там во всех домах темно было.

– Да у нас со светом постоянно перебои, – отмахнулась Катя. – То есть электричество, то нету его. Вчера целый день что-то ремонтировали, электричества совсем не было, все в холодильнике раскисло. Колбасу и сыр с маслом пришлось в колодец опустить, а мясо присолила и крапивой обернула.

– Крапивой-то зачем?

– Не знаю, – пожалала полными белыми плечами Катя. – Моя бабушка в деревне всегда так делала. И все другие женщины тоже так делали. Говорят, крапива помогает мясу в жару остаться свежим. Наше осталось.

– Когда я приехала, у Кати света не было, – подтвердила и Жанна. – Потом дали.

Но чем больше подруги убеждали Марину в том, что ничего необычного с ней не случилось, тем больше Марина убеждалась в том, что видела что-то такое, мимо чего никак нельзя было пройти. А она взяла и прошла. И теперь на душе у нее скребли кошки, как бывает всегда, когда сделаешь что-нибудь не то и не так. А вот ее подруги ни о чем таком даже не думали. Они разбирали привезенные Мариной продукты. И лица у них были оживленные и веселые, как у всякого, кто участвует в таком приятном деле.

Катя тут же завладела ведерком с мороженым, всем своим видом давая понять, что покончит с ним единолично и ничьей помощи не попросит.

– Все равно оно уже растаяло, – объяснила она подругам. – Назад замораживать мощности холодильника не хватит. А так оставить, оно испортится.

И принялась за мороженое. А Жанка... Ну, Жанка с точностью почти до рубля вслух подсчитывала стоимость приобретенного Мариной продуктового набора.

– Такие пельмени у нас в «Ленте» стоят двести тридцать восемь рублей. Колбаса по сто девяносто девять за четыреста грамм, а масло по сто девять. Напрасно везла его в такую даль, в здешнем магазине такое же продается по сто пять.

– Я брала по акции, оно мне стоило восемьдесят девять.

– А-а-а... Ну, тогда нормально.

И, убедившись, что все вместе привезенные Мариной продукты будут стоить никак не меньше трех тысяч, Жанка успокоилась. Сама она привезла еды на сумму куда меньшую благодаря тому, что они с матерью регулярно отоваривались в оптовых точках, где брали сразу большими упаковками. Что-то оставляли себе, а излишки потом распространяли среди своих знакомых, действуя с некоторой даже для себя прибылью. Что-что, а считать денежки Жанка умела. В этом ей не было равных.

Катя же никогда и ничего не считала. И как ни странно, те крохи, которые Жанна с трудом урывала от жизни, доста-

вались Кате сразу и без всякого напряжения. Деньги так и валялись ей на голову, при этом она сама не делала даже попытки, чтобы их поднять. Большая и добродушная, она любила вкусно покушать и сейчас молча наслаждалась мороженым, объяснив, что в противном случае оно может за ночь совсем растаять и испортиться. И словно в подтверждение ее слов электрическая лампочка мигнула и погасла.

– Вот видите! – раздался удовлетворенный голос Кати. – Я же говорила!

Впрочем, свет дали через каких-нибудь пять-десять минут. Но к этому времени ведро с мороженым совершенно опустело.

– И куда в тебя столько лезет? – поинтересовалась у нее Жанка, явно жалея, что ей не удалось попробовать мороженое. – Посмотри на себя в зеркало, ты же и так уже самый настоящий бегемот.

– Зато я милый и обаятельный бегемот, – весело парировала Катя. – И это куда лучше, чем быть такой тощей глистой вроде тебя.

Но Жанна даже не надулась. Она была помешана на своей стройной фигуре. И готова была слушать про себя любые эпитеты, лишь бы они сочетались со словами «тощая», «худая», «кожа да кости», «дитя Бухенвальда» или даже «ходячие мощи». Все это Жанна считала комплиментами своей внешности. Обычно это срабатывало, и Жанна переключалась на восхваления самой себя, но сегодня досада на Катю,

не позволившую ей полакомиться мороженым, была слишком велика. И Жанна продолжала что-то бормотать о том, что некоторым пора бы взяться за ум, сократить объемы потребляемых калорий и вообще брать пример с нее, с Жанны, потому что идеал в их компании всего один, и это не Марина и, конечно, не Катя.

– Попомни мои слова, такую толстуху никто не захочет взять замуж. Поставишь крест на своей личной жизни. Ни один мужчина не обратит на тебя внимания.

– Зато на тебя все обратят, – добродушно парировала Катя. – Все мои мужики, они твоими будут. Чего же ты переживаешь?

– За тебя обидно.

Отличительной чертой Кати было то, что она не умела обижаться. Ни разу за все годы их дружбы Марине не удалось увидеть выражение обиды на круглом и по-детски простодушном лице Кати. В отличие от той же Жанки, которая обижалась по поводу и без него. Что касается Кати, то по большей части она просто не замечала стрел, выпущенных в ее адрес. Желаящие ее обидеть заранее должны были быть готовы к тому, что в ответ она лишь безмятежно им улыбнется.

По выражению Жанки, все неприятности просто увязали в толстых боках и попе Катерины. Когда стрелы врагов оказывались слишком уж хорошо оперенными, тогда на лице у Кати проступало выражение удивления. Как? Вы и впрямь

хотите меня обидеть? Удивление было обычно таким сильным, что полностью пересиливало все другие чувства. И обиды опять же не случалось. Катя просто не могла до конца поверить, что в мире существуют злые люди, единственным удовольствием для которых является желание мучить и обижать других людей.

Покончив с мороженым, она протянула руку и под мерный Жанкин бубнеж о том, что надо худеть, прикончила маленькую «вязанку», жуя колбасу даже без хлеба. До него надо было еще добраться, а Катьке вставать было определено лень. Жанка правильно оценила дальнейшую судьбу всех привезенных Мариной продуктов и начала их торопливо убирать подальше от Катьки. Если позволить разыгаться знаменитому Катькиному аппетиту, то можно было попроситься с большей частью провизии.

Жанна успела вовремя. Катя закончила поглощать колбасу, оглядела стол в поисках еще чего-нибудь съедобного, ничего не увидела и сказала:

– А теперь самое время пойти спать, девочки. Я вам покажу ваши кровати.

На правах хозяйки Катя одна занимала двуспальный диван. Впрочем, больше с ней там никто бы и не уместился, разве что кошечка или собачка. В распоряжении Жанны с Мариной оказалось два ложа – раскладушка и выдавший виды диван-книжка, который так грозно был испещрен торчащими из-под ветхой обивки пружинами, что напоминал

какое-то сказочное чудовище.

– Я лягу на раскладушке! – поспешно заявила Жанна, которая умела выбирать для себя самое лучшее.

Раскладушка выглядела новой и современной, к ней был прикреплен матрасик, так что на первый взгляд Жанна сделала правильный выбор. Но Катя принесла гору одеял, из которых Марина соорудила вполне сносную прослойку между торчащими из дивана пружинами и своей спиной.

– Спокойной ночи, девочки, – попрощалась она со своими гостями. – Вы спите, а я еще немножко погуляю.

Жанка какое-то время молча прислушивалась к доносящимся в ночи звукам, а потом сказала:

– Попомни мое слово, Маринка, завтра утром мы с тобой и половины продуктов в холодильнике не найдем. Даже не представляю, из чего будем готовить завтрак. Еще хорошо, что я заныкала сумку с продуктами, которые не портятся в тепле, за дверь. Если Катька ее не найдет, на завтрак у нас будут хлопья с молоком, йогурты и сок.

Марина ничего не ответила. Она лежала и думала, что это за молоко такое им предстоит пить? А йогурты? Что в них напихали такого, что нежным молочнокислым бактериям теперь стала не страшна самая сильная жара? А сок? Так ли уж полезен напиток, который спокойно стоит месяцами на полках магазинов?

Но как ни силилась Марина увести свои мысли в сторону, злополучная парочка, которую ей довелось повстречать се-

годня по пути, упорно не шла у нее из головы. И даже засыпая, Марина видела перед собой широко распахнутые глаза девочки, в которых читались то ли невысказанный вопрос, то ли мольба.

Глава 2

Наутро выяснилось, что самые худшие предсказания Жанки сбылись в полной мере. За ночь холодильник опустел очень сильно. То же самое касалось и колодца, в котором еще оставались продукты с прошлых перебоев с электричеством. Сама Катька объяснить пропажу продуктов затруднялась. Она отводила глаза и твердила, что не представляет, как это могло получиться.

– Ну, хоть яйца остались. Сделаем омлет или просто глазунью.

– Да, да, – поддержала ее Катя. – Глазунью!

Но когда Марина встала к плите, то ее поразила необычайная легкость упаковки. Полная самых дурных предчувствий, она разбила первое яйцо.

– Пусто!

Взяла второе.

– Тоже пусто.

Наклонившись к яйцам, Марина заметила, что в каждом проделаны два аккуратных отверстия.

– Это что же такое! Их кто-то высосал!

Жанна вскочила на ноги.

– И я даже догадываюсь кто!

Уж на что Марина была лояльна к людям, но перспектива остаться без завтрака заставила и ее взглянуть на Катю до-

вольно сурово.

Катя под ее взглядом затрепетала:

– Девчонки, да вы что? Вы на меня, что ли, думаете?

– Ну, а на кого нам еще думать? Кто у нас известная обжора?

– Да, я люблю покушать, – с достоинством призналась Катя. – Но вы же столько всего привезли, тут на целый полк бы хватило. Холодильник был битком забит. В морозилку не вмещалось. А сейчас посмотрите сами!

В морозильной камере не было ни нагетсов, нипельменей, ни отбивных. Не было там даже упаковки куриных окорочков.

– Не могла же я их съесть. Ну, нагетсы илипельмени – это еще понятно. Они быстро готовятся. Шмяк на сковородку, и все. Но отбивные или окорочка, их же надо долго жарить. Не могла же я их сгрызть сырыми!

Марина с Жанной притихли. Они попытались представить себе Катю, которая сидит в одиночку в ночи и с хрустом грызет замороженные окорочка. Кусочки льда летят от нее во все стороны. А Катя жмурится от удовольствия и продолжает разгрызать замерзшее мясо, хрустя им, словно леденцами.

– Действительно, это было бы чересчур даже для тебя.

– Извини нас.

Катя мигом повеселела:

– Да чего там! Я ведь и впрямь обжора. На кого же вам

было думать, если не на меня.

Жанка сбегала за припрятанным молоком, и Катя на нем сварила очень вкусную кашу.

– Вкуснятина! – заметила Марина. – Как у тебя получается такая вкусная каша?

– На этот случай есть старый анекдот. Рассказать?

– Давай.

– Так вот... умирает один старый еврей. Вокруг него собралась вся его семья, друзья, соседи, близкие тоже пришли. Всех их интересует один вопрос. Как старику удавалось заваривать такой вкусный чай. И они его просят, открой нам свой секрет. Старик покряхтел немного и говорит им: «Евреи, не жалейте заварки»!

Жанка прыснула первой. За ней засмеялась и Марина.

– Другими словами, ты положила в кашу побольше молока, масла и сахара?

– Что это за крупа? – спросила Жанна. – Рис?

– Нет.

– Дайте угадаю! Это пшено?

Катя покачала головой:

– Вы обе не угадали. Это кус-кус.

– Что?

– Крупа из пшеницы. Покрупней манки.

– Интересный вкус.

– Мне нравится.

Это сказала Жанна. А уж ей можно было поверить. Жанна

ела мало и редко, но зато всегда очень вкусно.

К счастью, йогурты и сок тоже уцелели. Впрочем, Жанна к ним даже не прикоснулась, и это навело Марину на кое-какие мысли. А вот простодушная Катя ни о чем не думала, а просто укладывала в себя один продукт за другим.

Наконец, Жанне это надоело:

– Ну, мы на озеро-то пойдем?

– Угу.

И они пошли. Вернее, оседлали три велосипеда и покатались на них. Жанне по причине малого роста достался детский велосипед. Катя невозмутимо крутила педали на старой и видавшей виды «Ласточке», а вот Марине досталась какая-то невообразимо сложная конструкция с переключением скоростей на обоих концах руля. Марина просто не знала, как с такой сложной техникой управиться.

– Откуда у тебя такой навороченный велосипед?

– Подарили.

Катьке вечно что-то дарили, приносили и отдавали просто так. Многие из этих даров ей были не нужны, но Катя все равно неизменно их принимала, чтобы не обижать хороших людей. И это тоже было предметом постоянной зависти Жанны, которой приходилось предпринимать титанические усилия и плести долгие подковерные интриги, чтобы ей кто-нибудь что-нибудь все-таки отдал. Нет, успехи у нее тоже были. Но до чего же ей трудно давалось то, что Катьке само валилось на голову!

Жанна долго изучала лежащий на песке велосипед, а потом повторила:

– Классный велик. Откуда взяла?

– Говорю же, подарили.

И когда Катька пошла в слишком холодную, по мнению ее подруг, воду, Жанна шепнула на ухо Марине:

– Ненавижу ее.

– Ты чего? За что?

– А ты как думаешь! Все у нее есть, и все ей еще валится и валится. Дачу эту, к примеру, взять. Конечно, дом – скворечник. Я посмотрела, всюду в стенах щели, особенно на втором этаже. Но земля тут стоит о-го-го! Я узнавала, не меньше миллиона только участок стоит. И еще сколько-то там дом. И баня. И сарай. И сад. А ты знаешь, от кого она ей досталась?

– От тети Наташи.

– Да какая она ей тетя! Это просто подруга ее мамы. Одинокая. Она Катьке и свою квартиру оставила, и деньги, и эту дачу. А знаешь, зачем?

– Зачем?

– Чтобы Катька ей памятник хороший поставила. А самое главное, чтобы Катька за нее службы заупокойные заказывала. Ну, и сама чтобы молилась. Уже больше трех лет прошло, а Катька памятник так и не установила. Службы заупокойные, правда, регулярно заказывает. Ну, ты же знаешь, она вообще на этом деле ку-ку!

И Жанка покрутила пальцем у виска. Сама Жанна хотя

и была из семьи татаро-армян, не верила ни в Аллаха, ни в Спасителя, ни в черта, ни в его кочергу. Верила она только в твердо конвертируемую валюту, которой поклонялась с таким неистовством, что иногда становилось просто страшно.

– Если бы мне какая-нибудь старуха отвалила столько деньжищ, я бы ей не только памятник, я бы ей... я бы ей дворец на могиле выстроила!

– Зачем покойнице дворец? – рискнула спросить Марина. – Молитвы ее душе куда важнее. А в том, что Катя за нее молится, я просто уверена. А ты бы вот стала за чужую тебе тетку в течение трех лет молиться?

Жанна замолчала. Но потом заговорила снова:

– Нет, ты мне скажи, почему одним все, а другим ничего? Чем Катька заслужила, что у нее теперь и в городе хоромы, и дача, и деньги? Она ведь даже не работает нормально.

– Почему? Она работает.

– Где? Библиотекарем у них в храме? Не смей меня! Она появляется у себя в библиотеке от силы пару раз в неделю. Да и что она там делает? Ничего она не делает. Читателей две с половиной старушки, да и те приходят от раза к разу. Сидит, чай из самовара пьет и ляды со священниками точит.

– Ты же у нее никогда не была.

– Могу себе представить и так!

Жанкино злоязычие в конце концов надоело Марине, и она решила пойти искупаться. Лучше уж ледяная вода, чем наветы Жанки. И чего она так взъелась на Катюшу? В кои-то

веки той улыбнулось счастье. А у самой Жанны и так всего навалом. И дача в полные два этажа из кирпича – подарок свекрови, и квартира трехкомнатная – подарок мамы. И денег полно – это уже ее собственная заслуга. Так чему же тут завидовать?

Но Жанна до такой степени желала очернить Катю, что даже в воду за Мариной поперлась. И продолжала кляузничать и жужжать, словно назойливая муха:

– А продукты? Уверена, Катька те продукты, которые мы с тобой ей привезли, отдала какому-нибудь убогому!

– Какому убогому? Что ты!

– Нищему соседу, – со злобой произнесла Жанна. – Пьянице!

Пьяниц она категорически не любила. Прямо-таки их ненавидела. Пьяниц, наркоманов и игроманов, которые транжирят свои деньги на всякие глупости вместо того, чтобы отдать их Жанне. И по этой ли причине или по какой другой, но ее буквально преследовали упомянутые персонажи. Отец у нее пил очень страшно. Брат принимал наркотики, и тоже страшно. А муж оказался игроком, да таким, что, глядя на него, тоже делалось страшно. Всех троих Жанна последовательно из своей жизни вывела, но добрей от этого к людям почему-то не стала.

– Видела я, как к ней какой-то старикан таскается. Пока мы вчера тебя ждали, он два раза заходил. Пьяный. Все требовал, чтобы Катька ему призналась, что нуждается в любви.

– Чьей?

– Его, разумеется.

– А Катька чего?

– Будто бы ты ее не знаешь? Смеется!

Марина пожалала плечами. Катька в это время рассекала могучим торсом водную гладь, особенно не глядя по сторонам. Плыла она, низко опустив голову в воду, и лишь изредка поднимала ее, чтобы глотнуть воздуха. Глаз она при этом не открывала. И, в общем-то, не было ничего удивительного в том, что она врезалась в другого пловца. А так как вес у Катьки был немаленький и плыла она целеустремленно и быстро, то удар получился внушительный.

Пловец взмахнул руками, издал звук:

– Бульк!

И ушел глубоко под воду.

– Ой! – закричали с берега. – Она его утопила!

– Катька! Нырять за ним!

Катя открыла глаза. Со всех сторон к месту аварии плыли желающие помочь. Кто-то на надувном матрасе, кто-то греб на огромном круге, другие приближались брассом, а иные кролем. Вскоре молодого человека извлекли из водной пучины и доставили на берег, где и оказали ему первую медицинскую помощь. Впрочем, никаких особенных мер не понадобилось. Молодой человек и сам быстро пришел в себя. Он оглядел собравшихся вокруг него людей мутным взглядом.

– Как вы? В порядке?

Но молодой человек в черных плавках ничего им не ответил. Он поспешно ретировался с пляжа, даже не поблагодарив своих многочисленных спасителей.

– Видели этого грубияна! – возмутилась Катя, которая больше всех переживала, что по ее вине чуть было не погиб человек.

– Это он.

– Кто? – не поняла Катя.

– Тот парень, которого я видела вчера.

– Ты уверена?

– Нос точно его. Уж нос я всегда запомню.

Был у Марины такой пунктик. Кто-то смотрит на бицепсы, кто-то на обувь, а она смотрела на нос привлекшего внимание мужчины. Почему-то именно он выдавал ей все интимные тайны кавалера. Нос никогда не обманывал Марину. Если он был короткий и мясистый, то и то, сами понимаете что, было соответствующим. И не то чтобы парень в черных плавках так уж заинтересовал Марину с этой точки зрения, был он совсем не в ее вкусе, но привычка, знаете ли, вторая натура. От нее так быстро не избавишься.

– Да, я уверена, что это был тот самый, которого я видела вчера.

– Допустим, даже если это и так. Что с того?

– Не знаю.

Марина действительно не знала. Так и не искупавшись

нормально, они вернулись назад домой. По дороге Жанна все время допытывалась у Кати, кто же ей подарил такой отличный велосипед, который стоит не меньше тридцати тысяч. Ничего не подозревающая Катя подвела Жанну к сараю, сняла замок, и перед изумленными взглядами подруг предстал настоящий склад спортивного инвентаря.

Тут были горные лыжи, сноуборды, роликовые коньки и коньки обычные, шлемы, защита, парaplаны и парашюты. Одних палаток тут набралось целых четыре штуки. Имелись также надувные плоты, спасательные жилеты, подвесная канатная дорога и еще какая-то спортивная мелочь вроде мячей, конусов и ворот.

– Это... что такое?

И простодушная Катя объяснила, что у них в приходе есть такой отец Алексей, который дружен с другим священником, отцом Назарием, а тот, в свою очередь, увлекается спортом.

– У него и секция детская благотворительная была при храме, детишки там силу и ловкость развивали. Но последний преподаватель куда-то делся, уехал, что ли, а других, которые бы соглашались работать даром, пока что не находится. Вот от него нам спортивный инвентарь и перепадает. У нас-то таких спортсменов не водится.

– Но все эти вещи, они же денег стоят!

– И еще каких!

– И они у тебя просто так в сарае лежат?

– Мне их отдали на сохранение. Найдутся новые препода-

ватели для секции, заберут. Но пока что я могу пользоваться.

– Обалдеть! А если преподаватель не найдется? Все это богатство у тебя так и останется?

– Не знаю. Вряд ли. Найдется. Всегда находился и сейчас найдется.

За обедом Жанна была непривычно задумчива и молчалива. Пышный пучок молодого укропа, который передала одна соседка, и еще более пышный пучок молодого салата, который передала Кате другая, вызвали у Жанны лишь легкий зубовный скрежет по поводу того, что эти вкусные вещи на дармовщинку снова достались все той же Кате. Но с Жанной все же было что-то не то. Она даже не стала по своей излюбленной привычке подсчитывать, сколько может стоить то или иное подношение. Только заметила, что в супермаркетах зелень совсем не та. Но в целом мысли ее были далеко.

А ведь обед из уцелевших продуктов получился очень неплох. Сварили вареники с картофелем, которые лежали дальше всех в морозилке и потому тоже уцелели. Салат порезали, залили сметаной и добавили немножко соли и сахарка. Получилось нечто восхитительно сочное и вкусное, идеально подошедшее в качестве закуски перед варениками. После еды все пошли отдыхать. Катя в свой гамак. Марина на диван. А вот Жанна наотрез отказалась укладываться на свою раскладушку.

– Днем дрыхнут одни лишь лентяи. Я лучше пойду прогуляюсь. А вы лежите, жиры отращивайте.

И ушла. А Марина при всем своем желании не смогла удержаться от мысли, что без Жанны жизнь как-то спокойней. Никто не ворчит, не укоряет и не язвит. Конечно, Жанна – подруга не ее, а Кати. Но честно говоря, Катя могла бы выбирать себе друзей более осмотрительно. Вот взять, к примеру, Марину. Какие у нее недостатки? Да ни одного. А у Жанны? Да их целая куча!

Так в таких приятных мыслях о собственном совершенстве и несовершенстве других Марина и задремала. Пробуждение ее было кошмарным. Кто-то совсем рядом с ней орал и громко топал ногами. Марина вскочила с дивана и убежала во двор. Оказывается, вернулась Жанна и обнаружила новые пропажи.

– Пропало! – орала она, топая ногами и брызгая слюной. – Все пропало!

– Что? Что пропало?

– Украли! – орала Жанна. – Ограбили!

– Да что случилось?

– Сама посмотри! Холодильник пустой! Совсем!

Марина заглянула внутрь холодильной камеры и была вынуждена признать, что в чем-то Жанна права и, пожалуй, она имела сейчас право так злиться.

– Совершенно пусто, – подтвердила Марина. – Как же так?

– Да, как?! Катя, скажи нам!

Взгляды подруг обратились на Катю, которая в ответ возмутилась:

– А чего я? Я ничего не ела.

– Точно?

– Клянусь.

Но Жанна ей все равно не поверила. Она обежала гамак, в котором раскачивалась Катя, и внимательно ее осмотрела.

– Мне кажется, гамак провис значительно больше, чем раньше. А значит, ты и весить стала больше.

Но Катя твердила, что она не прикоснулась ни к чему съедобному, за исключением мороженого, за которым она самостоятельно ходила после обеда в магазин.

– Кстати, я и для вас купила.

– И где это мороженое? В морозилке тоже шаром покати!

Катя вылезла из гамака, ходила на кухню и лично удостоверилась, что в морозильной камере гуляет ветер, а на полках лежит одинокий капустный кочан.

– И где все?

– Вот это мы хотим у тебя спросить.

– Не понимаю.

– А чего тут понимать! Ты все съела.

– Даже если бы я съела, осталась бы пустая упаковка. А в ведре только мой фантик от мороженого.

Блестящая обертка от сахарной трубочки сиротливо болталась одна-одинешенька в пустой мусорке. Все три подруги молча на нее посмотрели, словно бы эта бумажка могла им сказать, что тут произошло.

– Если это не ты все съела, тогда кто?

– Я не знаю.

– Раньше такого не случалось?

– Ну, иногда кое-что из продуктов пропадало, – призналась Катя и тут же простодушно прибавила: – Хотя у меня много никогда не оставалось. Так, кусок-другой сыра или хлеба. Да, они пропадали. Но я не придавала этому особого значения. Думала, что сама съела по рассеянности и забыла. Но чтобы опустошить целый холодильник... Такое мне не под силу. Вы же столько всего привезли, девчонки!

– И что же нам делать?

Марина немножко подумала и предложила:

– Пойдем в магазин за продуктами.

– Правильно, – обрадовалась Катя. – Не сидеть же нам теперь голодными. Не знаю, как вы, а я снова хочу есть.

А вот Жанна, та яростно воспротивилась.

– Ну уж нет! – воскликнула она. – Мы купим, а этот неизвестный снова все утащит! Я на такое не согласная!

– Подождите, вы меня не дослушали. Как мы можем вычислить и поймать этого воришку? Только если снова его приманим.

– Предлагаешь забить холодильник вкуснятиной, а потом устроить слежку?

– Да. Организуем посменный присмотр за холодильником. И рано или поздно воришка попадетсЯ.

– Ну, не знаю... – протянула Жанна.

– Продукты за мой счет.

Жанна моментально повеселела и дала свое согласие на участие в затее.

– Надо же тебе, Катька, помочь избавиться от нахлебника. А то он тебя совсем обожрет.

Втроем подружки пошли к магазину, до которого, к счастью, было рукой подать. Но возле магазина они обнаружили непривычно большое людское столпотворение. Вряд ли все эти люди явились сюда за хлебом или молоком. Все их внимание было привлечено к небольшому листку бумаги, который висел на стене объявлений рядом с входом в магазин.

Подружки не могли обойти своим вниманием такое необычное зрелище. Они тоже подошли ближе и увидели, что это объявление о приезде цирка шапито.

– Давайте пойдём! – обрадовалась Катя. – Обожаю цирк! Будет весело!

Жанна идею похода в цирк отмела решительно:

– Кто будет холодильник сторожить?

– Но это же совсем ненадолго. Представления в цирке дают в четыре часа, в шесть и восемь. Значит, вряд ли они продлятся больше часа. Ведь артистам нужно еще отдохнуть в промежутках. Допустим, на четыре мы уже не успеваем. На шесть впритык. А вот на восемь – это будет в самый раз.

– Я не пойду.

– Перестань. Если тебе на билет денег жалко, то мы тебе купим.

Зря Катя прямо упрекнула Жанну в жадности. Дело в том,

что Жанна и впрямь была чуток прижимиста, даже сказать честно и откровенно, жадновата. Но, подобно всем скрягам, она воображала, что этот ее порок никому не заметен. И, услышав от Кати такое прямое обвинение в свой адрес, она вознегодовала:

– Никуда я не пойду. Ни с вами, ни без вас. И дело вовсе не в деньгах. Да я сто тысяч раз могла бы сходить в цирк, просто не люблю этого!

И всю дорогу издевалась над подругами, называя их маленькими детишками, соплячками и другими обидными прозвищами, которые должны были ясней ясного выразить позицию Жанны. Мол, она не просто жалеет деньги на билеты, а принципиально не ведется на эту затею, считая ее глупой и детской.

В итоге Жанна осталась охранять холодильник, а Катя с Мариной, слегка перекусив бутербродами с докторской колбасой, отправились на представление.

Глава 3

Вопреки уверениям злыдни Жанки, что представление в маленьком цирке будет полным отстоем, подругам оно понравилось. Артисты были все молодые, веселые и задорные. Был жонглер, умевший с одинаковым мастерством жонглировать как мячиками, так и горящими булавами. Был фокусник, потешивший публику, извлекая из своей шляпы попеременно то кроликов, то цветы, а то и конфеты, которыми щедро оделял публику.

Но самым главным гвоздем программы были дрессированные животные. С ними работал высокий блондин с бородкой клинышком. Собачки слушались малейшего движения его руки. Волнистые попугайчики порхали вокруг его плаща, доверчиво садились на плечи и голову, что-то ласково треща ему на ухо и ловко увертываясь от посторонних. Имелись тут и дикие животные. Главным был самый настоящий волк, который оказался вовсе не зубастым чудовищем, а застенчивым и милым серым хвостатым. И был енот-полоскун, который и белье стирал, и обед в кукольной кухоньке готовил, и в колокольчик звонил, словом, был ничуть не менее забавен, чем какая-нибудь мартышка.

Подруги провели время с большим удовольствием. Вдоволь посмеялись над шутками и выкрутасами клоуна. И ничуть не пожалели тех денег, что заплатили за билеты.

– Молодцы ребята, здорово работают.

И пусть палатка была всего лишь обычным шатром из ИКЕА, правда, украшенным изнутри и снаружи, и пусть зрительские места представляли собой простые доски, но какая разница, если люди вкладывали в свою работу душу.

– Вот только жалко, что антракта не было, – выразила сожаление Катя.

– Почему? Зачем еще антракт? Представление и так было коротким.

– Я люблю в антракте в буфет ходить. А так я проголодалась.

Марина покосилась на подругу и вздохнула. Конечно, Жанна иногда выражается слишком уж прямолинейно, но что-то в ее словах все-таки было. Катьке и впрямь не мешало бы сбросить килограммчиков десять, а то и двадцать или даже все двадцать пять. В размышлениях о том, что и тридцать кило не были бы для Кати серьезной потерей, Марина дошла до дома. И тут лишь почувствовала, что и сама не прочь что-нибудь перехватить.

– По бутику? А?

Бутерброды, которые соорудили подруги перед уходом, оказались очень неплохи. Толстый ломоть серого местного хлеба, сверху капля соуса, потом листик салата и кусок колбаски. Все это великолепие венчал ломтик красного помидора, густо посыпанный молодым укропчиком. Объедение!

– Недурно было бы повторить. Что думаешь?

Увы, когда Марина полезла в холодильник, там не оказалось ни колбасы, ни помидоров, ни соуса. Кинулись к хлебнице – пусто. Даже укропа и салата и тех не было!

– Жанна! Жанка! Ты же обещала следить за холодильником!

Но Жанна словно сквозь землю провалилась. Сколько подруги ее ни кликали, она не отозвалась.

– И чего делать? Магазин уже закрыт.

– Ляжем спать натошак.

– А Жанна?

– Придет. Не маленькая.

И Марина начала укладываться. Во всем нужно видеть положительные стороны. Не придется стеречь холодильник. Кому он пустой нужен!

Какое-то время было тихо.

Потом Катя спросила из-за стенки:

– Как ты думаешь, Жанна сильно на нас с тобой обиделась?

– За что?

– Ну, что мы ушли и оставили ее одну?

– Она сама решила так.

Катя помолчала, а потом снова спросила:

– А почему она тогда не отвечает? Я ей уже раз двадцать позвонила, а от нее ни слуху ни духу.

– Не знаю. Может, не хочет. Может, занята.

– Вот я и думаю, что она не хочет с нами общаться, потому

что занята тем, что дуется на нас.

– Ну и пусть дуется. Тебе-то что? Ты в чем-то перед ней виновата?

– Нет.

– Вот тогда и спи.

Катя замолчала. Но потом снова зашептала:

– Марин, а Марин?

– Ну, чего тебе еще?

– Ты ничего не слышишь?

– Нет.

Но, говоря это, Марина поняла, что она и впрямь что-то слышит. Какой-то шорох раздавался возле дома.

– Кто-то ходит.

– Ага.

Потом шорох затих. А затем вновь раздался, но теперь он шел уже из дома.

– Там кто-то есть.

– Слышу.

– И что будем делать?

Катя уже встала с постели. Она появилась в дверях в своей любимой ночнушке. Выглядела она в ней впечатляюще. Рубашка у нее была белая и длинная, почти до пола, она закрывала Катю от самой шеи и до пяток. Ворот и рукава рубашки были обильно украшены нашитыми рюшами, еще больше увеличивающими объем Катькиной фигуры. На голове у Кати были бигуди, которые топорщились во все стороны.

Да еще и обгоревший на солнце нос она намазала белым и жирным кремом, так что теперь на месте лица в темноте светилося нечто круглое.

– Если это тот самый воришка, надо нам его схватить.

– Ага, схватить. А как? Вдруг он драться начнет?

– Нас двое, а он один.

– С чего ты взяла?

Марина задумалась. И впрямь, вдруг грабителей двое? Вдруг это оголодавшие, а потому страшно злые мужики? Тогда им с Катей придется туго.

– И Жанка как назло куда-то запропастилась.

Марина сейчас тоже об этом жалела. Несмотря на все свои отрицательные стороны, была у Жанки и одна положительная сторона. Она была отчаянной. И при случае не боялась пустить в ход кулаки. А пустив их в ход, сражалась до конца, до последней капли крови, до последнего вздоха. И случалось, одолевала куда более сильного противника. А уж по части устрашения Жанке вообще было мало равных.

– Да, Жанка нам бы сейчас отнюдь не помешала. Ну, а мы-то с тобой что? Мы вооружимся и пойдем!

– А чем вооружимся-то?

– Чем?

Взгляд Марины растерянно запорхал по комнате.

– Ты возьмешь лак для волос и зажигалку, – решила она. – Помнишь, как сегодня фокусник ловко пламя из руки пускал. Я потом спросила, он мне признался, что у него там бал-

лончик с лаком был спрятан. И зажигалка. Он ее чирк, и пламя. И ты тоже чирк, и пламя.

– Как бы мне дом не спалить.

Катины опасения имели под собой основание. При ее ловкости и грациозности с Кати бы случилось споткнуться и упасть в самый неподходящий момент.

– Тогда ты возьми эту палку, а я возьму лак и зажигалку.

Палкой раздвигали тяжелые шторы. На конце она имела загогульку, как у миниатюрного ухвата. Так что при случае ею можно было удачно кого-нибудь ткнуть и оставить без глаза.

– Надеюсь, что обойдемся без таких крайностей.

И подружки крадучись двинулись на кухню. Шум оттуда доносился отчетливо. И было ясно: в кухне кто-то орудует.

– Ты иди первой и сразу его пламенем. А я выскочу сзади и уже добыю палкой.

– Ага.

И Марина решительно шагнула вперед. Так и есть! У холодильника кто-то копошится.

– Стоять! – крикнула она. – Р-руки вверх!

Выдавлив из баллончика струю лака, она чиркнула зажигалкой. Пламя взметнулось на удивление большое и яркое. Вот только облачко газа полетело совсем не в ту сторону, куда рассчитывала Марина. Огонь перекинулся на висящее на вешалке кухонное полотенце, которое было мало того что старым и вафельным, так еще и промасленным, и потому от-

лично загорелось.

– Гори-и-им! – завопила Катька каким-то дурным голо-
сом.

Марина кинулась тушить пожар. Но пока она сражалась с пламенем, события развивались вне зависимости от ее желаний. Катя, не видя произведенного газовой зажигалкой ущерба, помнила лишь об их договоренности поддерживать друг друга. И теперь она выскочила из-за спины Марины.

– Сдавайся! – рявкнула она грабителю, в целях его устрашения изо всех сил стукнув палкой по полу.

Катя была девушкой рослой, и силушкой ее природа не обидела. Так что удар палкой об пол был такой силы, что все вокруг вздрогнуло. А затем произошло и вовсе непоправимое. Старое зеркало в огромной раме сорвалось со стены, упало на пол и со звоном разбилось.

– Ой, мамочки!

Это кричал грабитель. И вот кричал он до странности знакомым голосом. Но Марине сейчас было не до того, она сражалась с пламенем. Наконец ей удалось его потушить. Катя включила свет, и они в полнейшем недоумении уставились на ночного вора.

– Жанка! Ты!

– Идиотки несчастные, – заплакала Жанна. – Вы меня чуть не до смерти напугали. Что вы тут затеяли?

– А ты что?

– Я ничего. Продукты обратно в холодильник складываю.

– Как – складываешь?

– Ну да. Я их у соседки до времени оставила. А сейчас обратно принесла.

Подруги в растерянности смотрели на колбасу и хлеб, которые вернулись на свои места. И даже зелень снова была с ними. Выходит, никакой новой кражи не случилось?

– А мы тебя искали, – растерянно произнесла Марина.

– А зачем меня искать? – буркнула Жанна, распределяя продукты по полкам холодильника. – Я что, слиток золотой, чтобы меня искать?

– Ты где была?

– На озеро ходила купаться.

– А почему не отвечала? Мы тебе обзвонились.

– Это как бы я вам ответила, если я смартфон дома специально оставила.

– Зачем? – удивилась Катька. – Зачем оставила-то?

– Я же одна пошла. Оно мне надо, чтобы кто-нибудь, пока я плаваю, мой смартфончик увел? Нет, совсем не надо. Вот я его и оставила для пущей сохранности в доме.

В этом была вся Жанка. Предусмотрительная она была просто до жути.

– Ну и как? Искупалась?

– Не-а.

– Почему?

– Не понравилось мне сегодня вечером на берегу. Никакого покоя нет. Водолазы по дну шарят, воду мутят. Спасате-

ли приехали. Родственники опять же. Столпились. Рыдают. Один негатив. Да и очень мне надо в воду лезть, в которой труп болтается. Может, от него уже зараза всякая пошла.

– Что ты мелешь? Какой труп? Чей?

– Говорят, сегодня вечером девка какая-то утонула. Вот ее тело на дне и ищут.

– Да ты что! – перепугались подруги. – Утонула! Какой ужас!

– Ужас-то, конечно, ужас, – согласилась с ними Жанна. – Только я теперь в воду ни ногой. А так хотелось бы искупаться. Но если в воде труп плавает, то брр... Нет, я туда не полезу.

И все трое замолчали, растерянно глядя друг на друга и на останки зеркала, валяющиеся на полу.

– А что с зеркалом? Почему оно разбилось?

– Крепление ослабло. Старинная вещь. Сколько ей лет?

– На вид не меньше ста.

Рама и впрямь выглядела очень старой. Она была покрыта резьбой, изображающей головы каких-то скалящихся существ.

– Оно и к лучшему, что его теперь нет, – заметила Катя. – Очень уж морды страшные.

– Надо бы осколки убрать.

– Надо.

– Так давайте уберем.

Но все трое продолжали отчего-то мешкать.

А потом Жанна нерешительно произнесла:

– Говорят, если зеркало разбилось, то это к смерти.

– Чьей?

– Чьей-нибудь.

– А я слышала, что зеркало разбить – семь лет счастья не видеть.

– Глупости, – заявила Марина. – Разбитое зеркало предвещает перемены. А хорошие они или плохие – это по-разному у всех бывает. Опять же, сначала человек думает, что это дело ему к худу, а потом смотрит, нет, вроде как к добру получилось.

– Главное, не глядеть в осколки.

– У меня дядя однажды зеркало разбил, – мрачно сказала Жанна, – а через год его собственная тетка умерла. Правда, ей восемьдесят три года было. Она бы так и так все равно померла.

Этот рассказ вкупе с известием о плавающей в озере утопленнице окончательно нагнал на подруг жути. Стараясь не смотреть в зеркальные осколки, они собрали стекло в пакет, который затем вынесли из дома.

– А что с рамой делать?

– На дрова пойдет. Когда холодно будет, печку затопим и сожжем. А на это место мы другое зеркало повесим. Я видела в чулане, там есть подходящее.

Все вместе сходили в чулан и осмотрели новое зеркало.

– Хорошее! – одобрила Жанна. – И полочка есть.

Зеркало было укреплено на большом фанерном листе, снизу к которому была прикреплена полочка. Совсем простая вещь, но зато функциональная и полезная.

– Потасили!

Кряхтя и обливаясь потом, девушки дотащили тяжелую фанеру до кухни. Новое зеркало также было в полный рост. И, примерив его на то место, где висело старое зеркало, все три девушки сошлись во мнении, что это новое зеркало тут отлично вписалось.

– Как для этого места и было создано.

Крепление на зеркале уже имелось. Оставалось вбить новый гвоздь, что Катя и сделала самолично. Жанна осмотрела результаты ее работы и нашла, что саморез был бы прочнее. Но самореза в хозяйстве не оказалось, и зеркало повесили пока что на гвоздь, очень большой и на вид прочный.

– Гвоздь-то хорош, – сомневалась Жанна, – а вот стенка какая-то трухлявая. Не знаю, выдержит ли она такой большой вес. Надо бы сюда саморезов, да не один, а штуки три, чтобы вес зеркала был распределен равномерно.

Катя сказала, что саморезы она купит когда-нибудь потом. И тогда же договорится с кем-нибудь из соседей, имеющих дрель, чтобы пришли и перевесили зеркало.

– А пока и так повисит, – оптимистично заявила она.

На том и порешили. Но если подруги думали, что спокойный вечер на этом и закончился, то они здорово ошибались. Не успели они поужинать вернувшейся к ним кол-

басой, как за окном раздался протяжный собачий вой. Какое-то время подруги сидели молча, в испуге глядя друг на друга и надеясь, что собака умолкнет. Но пес выл все громче и громче. Казалось, он вкладывал в этот вой всю тоску своей собачьей души.

– Что там случилось? Как-то нехорошо он воет.

На собаку кто-то прикрикнул. Потом раздался шум, словно в пса метнули палку или даже камень. И собака умолкла. Девушки снова придвинули к себе чашки с чаем, но в дверь постучали.

– Да что же за день такой! – в тоске произнесла Жанна. – Никакого покоя!

– Кто там?

– Девоньки! – раздался мужской голос. – Это дядя Степан. У вас сольцы не найдется одолжить?

– Этого еще не хватало!

Жанна проворно вскочила на ноги и заметалась по кухне.

– Прячьте! – шептала она с каким-то безумным видом. – Прячьте все!

Катя продолжала жевать, видимо, считая, что лучшее место, чтобы спрятать провизию, – это ее желудок.

А вот Марина удивилась:

– Но почему?

– Увидит, что мы за столом сидим, нипочем не уйдет. Я его знаю. Такой приставучий, зараза! Уже раз пять к нам с Катькой заглядывал. Да, Катя?

Катя безмятежно кивнула. Когда она жевала, ее ничто не могло взволновать. И даже визит приставучего соседа не воспринимался ею как нечто катастрофическое.

– И главное, придет и сидит, и не уходит. И чего сидит? И намеков, главное дело, не понимает. Я уж ему и так и этак, мол, пора вам, дядя Степан, домой уже топать, а он все сидит и сидит.

Ворча, Жанна мигом смахнула со стола все следы чаепития. Катя проводила печальным взглядом свою чашку с недопитым чаем, но возражать не посмела. Мало кто осмеливался встать на пути у Жанки, когда той приходило в голову сделать окружающим хорошо.

– Девоньки, откройте, – донимал дядя Степан. – Я свет у вас видел, не спите еще.

– Не открывай.

– Он не уйдет.

– Постоит и уйдет.

– Внучка завтра приезжает, курочку ей купил. Хотел присолить на ночь, чтобы пропиталась, чесночку в саду накопал, хватился, а соли и нет. Помогите, сделайте такую милость. Хочется внучку-то порадовать. Одна она у меня. Редко ее ко мне привозят.

– Ты бы водку меньше жрал, – проворчала Жанна вполголоса – небось, чаще бы привозили.

Катя молча встала из-за стола, подошла к двери и открыла:

– Привет, дядь Степан. Соли тебе? Сейчас.

Катя щедрой рукой насыпала целую чашку и передала старику.

– Ну, бывай.

И закрыла дверь. После этого она повернулась к Жанне и спокойно сказала:

– И всех делов. Было из-за чего шум поднимать.

Жанна открыла рот, чтобы ответить, но в дверь снова заколотили.

– Катюша, а чашка-то?

– Возьми себе.

– Может, я тебе чашку-то завтра отдам?

– Хорошо.

Катя сочла разговор законченным. Но когда спустя какое-то время Марина открыла дверь, чтобы выйти на улицу, то наткнулась на дядю Степана. Он так и стоял с чашкой в руках.

– Не нашли девчонку-то, – произнес он печально. – Ну, что на озере пропала. Весь день водолазы искали, все дно прочесали, а не нашли.

Марина поежилась. Не к ночи такие рассказы про утопленниц. Да еще соседская собака вновь принялась выводить свои рулады. И чего не спалось животине?

– Вишь ты, как ее занимает, – заметил дядя Степан. – Животное, а и то беду чует. Утонула, вот горе! Помянуть бы надо.

– Будет вам жуть нагонять.

Но дядя Степан не унимался. Был он подвижным чернявым старичком, жутко болтливым, как теперь выяснилось.

– А не первый раз у нас такое, – увлеченно продолжал он. – Говорю, что на нашем озере каждое лето человек пять, а то и десять тонет.

– Водку пить надо меньше, – не выдержала и вмешалась в разговор Жанна. – Тогда и тонуть не будут. А то напьются под шашлыки водки с пивом, а потом пьяные лезут в озеро купаться. Да не у берега плещутся, а все переплыть его норовят. Была я на берегу, видела несколько подходящих компаний. Каждый из них претендент на то, чтобы утонуть.

– Не скажи. Девчонке этой и двадцати лет не было. Что же, скажешь, она тоже водку бухала?

– Наверное.

– Нет, тут что-то другое. Если бы утонула, нашли бы тело.

– Озеро большое, могли и не найти.

– Всегда находили, а тут вдруг не нашли? Нет, тут что-то другое.

И дядя Степан помялся, словно бы собираясь выдвинуть какое-то предположение. Подруги вежливо ждали.

Но он лишь вздохнул и нерешительно глянул на Катю:

– Живая душа все ж. Помянуть бы надо. Как считаете?

И дядя Степан извлек из-за пазухи пол-литровую бутылку.

Жанна выразительно закатила глаза к потолку. Мол, так я

и знала. Соли у него нет, зато водки хоть залейся.

– Я пить не буду!

Марине тоже не улыбалось распивать в компании незнакомого и малоприятного пьянчуги. Так что они ушли, оставив Катю объясняться с соседом наедине. Объяснение это затянулось. И когда спустя полчаса Марина выглянула, то увидела на крыльце все того же дядю Степана, граненую рюмку и ополовиненную бутылку водки.

А дядя Степан объяснял Кате:

– Ты пойми, для мужчины в женщине главное – это возможность свободно с ней общаться. Вот мы с тобой свободно общаемся, ты меня понимаешь, а я тебя понимаю. Из нас могла бы получиться хорошая пара. Тебе ведь, Катюша, любви не хватает. Думаешь, я этого не вижу? Очень даже вижу.

И дядя Степан сделал неуклюжую попытку обнять Катю. Но та быстро отбросила его руку. Марина оценивающе прикинула, что оставшуюся водку дядя Степан будет пить еще час, с его-то темпами. Потом без закуски, а кроме соли, закусывать тут нечем, он свалится. И кому-то придется тащить его до дома. Но если Катю такая перспектива устраивает, то это ее личное дело. И Марина пошла спать.

К ее удивлению, дядя Степан ушел не через час, а всего через сорок минут, и своим ходом. А вот чашку с солью забыл, ее утром обнаружила Жанна. Прошедший ночью небольшой дождик превратил соль в неаппетитное месиво, и хозяйственная Жанна долго ругалась, почему Катя не убрала

ночью соль в дом, если уж соседу она оказалась не нужна.

Катя с удовольствием принялась за завтрак, сообщив между делом:

– Сегодня мы все приглашены к дяде Степану в гости.

– Это еще зачем? – встрепелась Жанна. – Не пойду!

Марина с сомнением покачала головой:

– Я тоже как-то не рвусь.

– Ну, девчонки! Я ведь уже обещала. Сходим!

– Не хочу я к этому пьянице идти и сидеть там у него.

– И зачем ты его, Катя, приваживаешь?

– Жалко, – развела руками Катя. – Вроде и семья у него есть, а он все время один. Сыновья к нему не ездят. Тоскливо ему. Марина, пойдем?

– Не знаю.

Но если Марина колебалась, то Жанна высказалась четко и предельно ясно:

– Если вы со старыми забулдыгами собираетесь водку пить, я вообще домой поеду.

Настроение у Жанны испортилось совершенно:

– Продукты пропали. Еду готовить не из чего.

– Вот и пойдем обедать к дяде Степану. Он приглашал.

– Не хочу я его курицу, которая целую ночь несоленая на жаре провалялась.

– Да почему несоленая? Дядя Степан вкусно готовит. Он летом и компоты сам закручивает, и картошку молодую жарит, и шашлыки.

– Это если трезвый.

– Так он трезвый будет. Ему же внучку встречать. И сыновья чего-нибудь вкусенького привезут. У дяди Степана вся семья зажиточная, даже удивительно, что он один у них такой... заброшенный. К тому же он мне вчера проговорился, что еще и его брат приедет. Я его всего один раз видела, но он мужчина хоть куда. У него бизнес свой.

Жанна презрительно скривила нос и заявила:

– Небось тоже старик.

Но интонация у нее была какая-то вопросительная. И Катя немедленно кинулась на защиту соседа:

– Вовсе нет. Да и дядя Степан, если хочешь знать, не такой уж старый. Ему чуть больше пятидесяти. Это он от водки так плохо выглядит. А брат его совсем не пьет. И моложе гораздо. Пойдем, Жанна, посидим все вместе.

Жанна нахмурилась и промолчала, но Марина заметила, что про отъезд подруга заговаривать перестала.

Глава 4

Перед обедом Катя с Мариной сходили на озеро. Вчерашние слухи оказались правдивыми. Пропавшую девушку искали и водолазы, и добровольцы, но ни ее тела, ни вообще каких-либо следов обнаружить не удалось. Зато все столбы и деревья были оклеены объявлениями с просьбой сообщить всех, кто имеет какую-то информацию о пропавшей девушке, по такому-то телефону.

– Красивая, – заметила Катя, изучив фотографию. – Неужели и впрямь утонула? Такая молодая и погибла. А зачем ты фотографируешь?

Марина сфотографировала указанный в объявлении номер телефона. Она и сама не могла объяснить, зачем она так поступает. Но какое-то внутреннее чувство подсказывало ей, что этот номер ей еще может пригодиться. Жанна с ними не пошла. Она занялась уборкой в доме. Мыла полы, двигала мебель, протирала все поверхности. Честно говоря, старый дом отчаянно нуждался в чем-то подобном. Катя не была из разряда тех, кто день и ночь проводят с пылесосом в руках.

На досуге Марина решила проверить информацию, которую узнала от Жанны.

– А что за женщина тебе дом в наследство оставила? Это какая-то твоя дальняя родственница?

– Мамина подруга. И не только дом, но еще и квартиру

в городе.

– А почему именно тебе?

– Сама не понимаю. Но я никогда этим вопросом особо и не задавалась. Оставила, и спасибо.

– У нее своих детей, наверное, не было?

– Сын был, но погиб.

– А братья-сестры? Муж?

– Муж умер. Сестра, кажется, была. И семья у нее была тоже. Но где она и что с ней, я не знаю.

– Никто из них не появлялся?

– Не-а. Да я их и не знаю никого.

Утро было жаркое. Вдали что-то грохотало. Кажется, знаменитый майский гром собрался напугать подружек. Но погрохотало, а дождя так и не пролилось ни капли. Зато соседская собака что по пути к озеру, что по дороге назад выла в полный голос.

– Это просто невыносимо! Надо пойти и посмотреть, что с псом.

Собака была рыженькой и совсем небольшой. Даже удивительно, как такая крошка могла так громко выть. Хозяева ее оказались вполне приличными людьми, уже пожилыми и степенными.

– Сами не понимаем, что с нашим Ларсиком случилось. Как вчера вечером принялся выть, так и не унимается. Ни лакомства не помогают, ни уговоры, ни ругань. В дом заведем, он немножко утихнет, а потом снова. Уж и кричали на

него, муж даже побил, а Ларс снова за свое. Убежал из дома, под поленницей спрятался и опять свою песню завел.

– А раньше с ним такое случалось?

– Нет, никогда. Первый раз.

– Может, он болен?

– Мы тоже так подумали. Но сосед у нас ветеринар, он говорит, что непохоже, чтобы у Ларса что-то болело. Когда у собаки что-то болит, она тревожится, скулит, плохо ест, мало пьет и все время норовит лечь. А Ларс носится будь здоров и кушает отлично, и воду пьет. Нет, совсем мне не кажется, что он болен.

– Ну, а воеет-то тогда почему?

Этого хозяйка пса объяснить не сумела.

– Говорят, сиба-ину очень чувствительные собачки. Психика у них такая, что они мгновенно считывают настроение хозяев. Но мы с мужем дружно живем, никаких неприятностей не наблюдается, настроение отличное, в отпуске мы с ним оба, с чего тогда Ларсу тревожиться?

Так и не найдя отгадки, подруги пошли назад. А Ларс, словно издеваясь над ними, снова уселся возле забора и горестно завыл.

– Совсем небольшая собака, а как громко орет.

– Ты на Жанку посмотри. Ростом метр в кепке и в прыжке, а какая голосистая.

Придя домой, подруги оторопели. Дом встретил их просто сверкающей чистотой. Окна, пол, даже кухонная плита

буквально сияли в лучах солнца.

Катя даже заикаться начала:

– Э-т-то что такое? Мы туда попали?

Марина просто восхитилась:

– Жанна, ты волшебница! Как окна-то блестят.

– Да чего тут мыть? – отмахнулась Жанна, отряхивая с рук воду. – Это вам не город, никакой особой грязи здесь на окнах нету. Всего-то и дел, что протереть тряпкой. И пол тоже легко отмылся. Вот с плитой пришлось повозиться. А кастрюли до сих пор мокнут. Я за них после обеда примусь. Что ты в них такое варила, что они так закоптились?

– Ничего. Это газ плохой. Когда я приехала, баллоны пустые были. И я попросила соседа, чтобы он их в городе вместе со своими заправил. А он поленился на станцию ехать, где газовые баллоны для дач заправляют, поехал и заправил их на обычной колонке, где газ для машин продают. Сказал, что это почти то же самое, гореть будет не хуже. А газ этот гореть-то горит, но коптит, сами видите.

– Так ты поменяй газ в баллонах.

– Поменяй... Это соседа снова просить надо.

– А сосед что, терпит?

– И у него коптит, наверное. И что с этим делать, не знаю.

Видимо, пока весь не выгорит, другой газ заказывать не стану.хлопотно уж очень.

– Ладно, – отмахнулась Жанна. – Твои кастрюли, тебе и решать.

Хотя весь ее вид говорил о том, что лично она бы этого дела так просто не оставила.

– Что на обед будем готовить?

– Ничего, – обрадовалась Катя, что ее больше не будут ругать. – Мы по дороге дядю Степана встретили. Он повторил, что ждет нас в гости.

– Не пойду я. У меня дел много.

Но подружки дружно взялись за Жанну и объяснили, что закопченные кастрюли – это еще не повод отказываться от нового интересного знакомства.

– Не весь век же тебе с кастрюлями дружбу водить. Надо и о новом замужестве подумать.

После того как Жанна развелась с мужем-игроманом, оттяпав у его семьи все, что только было возможно, она была постоянно занята присмотром нового кандидата. Катя замужем еще никогда не была и считала, что ей не мешает туда сходить. А Марина вообще полагала, что женщине без мужчины никак нельзя, и уж коли сейчас у нее никого нет, то этот пробел нужно срочно заполнить.

Жанна для виду поломалась, но потом все же сдалась:

– Схожу с вами за компанию. Но если мне не понравится, сразу же уйду.

Дядя Степан явился за подругами лично. Сегодня он был тщательно выбрит, причесан и почти трезв. К тому же он где-то нашел чистые брюки и умудрился отгладить сорочку, так что общее впечатление было благоприятным, и Жанна

смилоствивилась. Еще больше у нее поднялось настроение, когда она увидела двух хлопчущих возле мангала мужчин. Это были ближайшие родственники дяди Степана – его сын Андрей и брат Олег. Оба были высокими, темноволосыми, с гладкой смуглой кожей. Они были похожи друг на друга куда больше, чем дядя и племянник. И оба они были как раз в том возрасте, который рассматривался Жанной в качестве брачного. Уже не мальчишки, но еще и не старички. Как говорится, мужчины в самом соку. Жанна тут же заулыбалась, заворковала и принялась проявлять явный интерес к процессу, происходящему на мангале.

Марина с Катей лишь переглянулись, когда до них донесся ставший умильным голосок Жанны:

– Так вы говорите, угли для шашлыка нужно брать от плодовых деревьев? Ни в коем случае не сосну и не ель? Надо же, а я и не знала! Сколько нового узнаешь, общаясь с умными людьми!

В общем, Жанна об отъезде теперь и не помышляла. Ее было просто не оторвать от мужчин. А вот Катя с Мариной увлеклись разговором с женой Сергея – второго сына дяди Степана. Сам он приехать то ли не смог, то ли не пожелал, но вместо себя прислал жену с дочкой. Девочку звали Катюшей. И было ей десять лет. Хорошенькая, с темными длинными волосами, темными блестящими глазками и ртом-вишенкой. Уменьшечка, улыбочивая и подвижная девочка занималась и танцами, и музыкой, и пением. Она была сущей очароваш-

кой, прекрасно это сознавала и была не против похвалиться своими достижениями перед посторонними.

– А еще в этом году я хожу в бассейн. Мой тренер мной очень довольна, она говорит, что в следующем году я смогу поехать вместе со старшими девочками на выступления.

Ее мама Евгения кивала в знак согласия, подтверждая каждое слово девочки. Но всякому, кто их видел рядом, тут же становилось ясно, что свою потрясающую внешность девочка унаследовала не от матери. Мать Катюши была грузной, и красота ее была какой-то тяжеловесной. Волосы у нее были густые, но тусклые и жесткие, да еще и торчащие во все стороны. Глаза – большие, но с тяжелыми набрякшими веками. Крупный нос, который ничто не могло замаскировать. И рот с полными чувственными губами, которые еще больше выделялись благодаря нанесенной на них ярко-алой помаде. Крупные руки, большие ноги с некрасивыми ступнями и пальцы-сосиски. Нет, решительно ничего не напоминало о родственном сходстве этих двоих.

Катюша в отличие от матери была удивительно пластичной, и каждое ее движение радовало глаз грациозностью и какой-то неуловимой красотой.

– Чудесная у вас девочка.

– И такая умница! – с жаром откликнулась Евгения. – Отличница. А сколько книжек перечитала, вы бы знали!

Но как только поспела первая порция шашлыка, Евгения мигом потеряла интерес и к дочери, и к собеседницам. Она

взяла себе самую большую тарелку, наполнила ее доверху и полностью сосредоточилась на приеме пищи. Катюша за это время успела свести знакомство с двумя соседскими девочками, которые собирались идти на пляж.

– Мама Женя, можно мне тоже с ними пойти?

Не отвлекаясь от еды, Евгения лишь кивнула. Она даже не взглянула на Катюшу. Не взяла с девочки слово не заплывать далеко и быть осторожней в воде. Весь интерес этой женщины был сосредоточен на ее тарелке. Даже у подруг сердце екнуло, когда тоненькая, словно тростинка, девочка выскочила из дома в одном купальнике и, махнув рукой деду и дяде, убежала прочь. А Евгении хоть бы хны. Жует себе и жует. Даже не поглядела вслед девочке.

– Может, вам с ней сходить? – спросила Марина у Евгении.

Та на мгновение перестала жевать. И Марине почудилось, что в больших выпуклых глазах женщины промелькнула досада.

Наконец, Евгения махнула рукой и сказала:

– Да чего с ней случится. Меня саму мать на речку с шести лет одну отпускала.

А Катюше только того и надо было. Как все дети, она радовалась предоставленной ей свободе. В общем, все были довольны. И застолье покатило себе дальше гладко и сладко. Жанна ни на минуту не оставалась без кавалеров и кокетничала с ними всю, Марина наблюдала, Катя с Евгенией

жевали, мужчины разговаривали о чем-то своем, не забывая ухаживать за дамами, хотя их ухаживания иной раз выглядели слегка тяжеловесными.

– Ешь! Вкусно!

И Андрей без спроса шмякнул Марине на тарелку внушительных размеров отбивную, обдав девушку брызгами мясного сока, но даже не сочтя нужным извиниться за свой промах. Олег примерно таким же манером ухаживал за Жанной, но та делала вид, что все в порядке. Таким образом, наступивший вечер застиг всех врасплох.

– Ой, уже девятый час! – спохватилась Марина, случайно взглянув на часы. – А где же Катюша? Неужели до сих пор на озере мокнет?

Евгения сделала вид, будто бы не слышит. Но Андрей заволновался:

– И впрямь, где девочка. Женя?

– Гуляет небось.

– Надо поискать. Уже прохладно становится. А она в одном купальнике убежала.

Евгения нехотя поднялась. Но подруги заметили, что вместо того, чтобы пойти на поиски дочери на улицу, она отправилась в дом, где и застряла. Прошла четверть часа, а Евгения назад все не появлялась. Марине наскучило сидеть, она захотела размяться. Уговорить Катю пойти с ней оказалось куда проще, чем отвлечь Жанну от ее амурных подвигов. Дела у Жанны двигались успешно. Она с легкостью увлек-

ла обоих мужчин и отступить не собиралась. А вот Катя уже получила свое, она наелась буквально до отвала и теперь с радостью согласилась прогуляться.

– Тогда и второе дыхание откроется, – сказала она. – А то ты видела, сколько у них еще шашлыка осталось!

– Необязательно сразу в один день его съесть.

– Обидно, если пропадет.

Катя была намерена доесть все, что имелось на столе. Таковой был у нее девиз. Не уходить из гостей, пока там имеется хоть что-нибудь вкусненькое.

Тех девочек, с которыми ушла купаться Катюша, они увидели довольно скоро. Теперь они играли в магазин, выставили игрушечную кассу, разложили пластиковые фрукты, овощи, коробочки с яйцами, бутылки с маслом, кетчупом, упаковки с сосисками, колбасы и прочее, что можно приобрести в каждом приличном супермаркете.

Все девочки распустили волосы, которые слегка влажными прядями рассыпались у них по плечам и спине. Вместо купальников на них теперь были маечки и штанишки. Ясно, что дети вернулись с озера, переоделись и снова играли.

Но вот Катюши среди них не было видно. И это Марине совсем не понравилось.

Тем не менее она улыбнулась и поздоровалась:

– Привет, девчонки. Играете?

– Покупайте, – улыбнулась им одна из девочек – светленькая и тоненькая, с пронзительными голубыми глазками.

– У нас и настоящие фрукты есть.

И одна из девочек, потолще и с тяжелым взглядом, продемонстрировала несколько крупных темно-красных яблок, явно принесенных из дома.

– Девочки, а где Катюша?

Ответом ей был удивленный взгляд.

– Так она уехала, – произнесла светловолосая.

Ответ этот неприятно поразил Марину.

– Как уехала? – заволновалась она. – Когда и куда?

– С дядей своим уехала. Мы еще на озере были. Он за ней туда приехал и забрал.

С дядей? Может быть, у Катюши имеется еще один дядя? Потому что Андрей никуда от них не уезжал, все время был с ними. И потом, если бы это Андрей забрал девочку с озера, стал бы он волноваться о том, где она сейчас? На всякий случай они вернулись к Андрею и спросили, не он ли был тем дядей, который забрал Катюшу с купания. Как и следовало ожидать, Андрей заявил, что нет, не он.

– Я же все время был с вами.

И тут же страшно разволновался.

– Где эта Женька? – закричал он. – Где эта мать, с вашего позволения?

Евгения обнаружилась в доме. Она сладко спала, подложив под щеку ладонь и похрапывая. Судьба дочери ее ничуть не волновала.

– Дядя забрал? – сонно переспросила она. – Ну, так может

быть, это Витька был – брат Риты.

– Кто?

– Витька.

– А Рита – это кто? – не удержалась от любопытства Марина.

На этот вопрос Евгения ей ничего не ответила.

– Ой, как вы нехорошо меня разбудили, – пожаловалась она вместо этого. – Даже голова закружилась. И сердце колотится. Разве можно так! У меня же давление.

И она снова тяжело бухнулась на кровать, даже пол от падения ее туши задрожал. Андрей стал звонить своему брату. Разговор был коротким.

– Серега, похоже, Ритка послала своего брата, чтобы тот забрал Катюшу.

В трубке выругались.

– А что я мог поделаться? Девочка купаться захотела. Не мог же я ее не пустить. Жара-то какая! Нет, Евгения не захотела с ней пойти. Катюша с соседскими девочками пошла. Евгению тебе дать? Не могу, плохо ей. Давление подскочило. Что? Ага, понял.

И закончив разговор, Андрей подошел к кровати, на которой разметалась Евгения, и, примерившись, с размаху отвесил ей оплеуху, а потом еще одну.

– Ай! Ой!

– Это тебе от мужа привет!

И прежде чем Евгения успела произнести хоть слово в от-

вет, заорал на нее:

– Вставай ты, колода деревянная! Все бы тебе на перинах валяться! Девчонку проспала! Что теперь делать?

Как ни удивительно, после полученной взбучки Евгения мигом присмирела. И держаться за голову перестала, хотя именно сейчас и имела полное на то право.

– Ладно, ладно, уже встаю, – забормотала она. – Только не бей больше.

Марина с Катей лишь переглянулись.

– Ну и порядочки в этой семье, – прошептала Катя. – Надо бы Жанну предупредить.

Жанна в это время всю продолжала строить глазки во дворе Олегу. А Марина прикидывала. Если бы кому-нибудь из них случилось принять два таких тяжелых удара, какие достались Евгении, они бы сейчас были в полном нокауте. А Евгении ничего. Даже, напротив, забегала, зашустрила и про давление забыла, и вообще самочувствие у нее заметно улучшилось.

– Не виноватая я. Что я могла поделаться?

– Тебя Сергей зачем с нами отправил! Чтобы ты за девчонкой следила! А ты чего?

– А что я? А вы сами куда смотрели? Зачем разрешили шмакозьявке одной на озеро идти?!

Но Андрей покосился на нее с такой злобой, что Евгения сочла за лучшее умолкнуть. Снова позвонил отец девочки. Новость его состояла в том, что дозвониться до Риты и ее

брата у него не получилось.

– Они это! Ясно, что они! – орал он в трубку так громко, что стоящая рядом Марина слышала каждое слово. – Ритка давно грозилась, что заберет у меня Катюшу.

Марина подошла к Олегу – брату дяди Степана. Тот в происходящей ссоре участия не принимал. Задумчиво помешивал угли в мангале и думал о чем-то своем. Даже про Жанну забыл, хотя та стояла рядом и то и дело поглядывала на кавалера. Но Олегу было на нее наплевать. Как и все прочие, он был очень озабочен исчезновением Катюши.

И все же Марина решила спросить у него:

– А Рита – это кто?

– Ритка – это жена Сереги.

– А Евгения?

– Женька тоже жена. Ритка – это номер один. А Женька – это номер два.

– Значит, Катюша – это не родная дочка Евгении?

– Падчерица. Серега сперва на Ритке женился, у них Катюшка и родилась. Да не сложилось. Ритка пить начала сильно, Серега с ней и развелся. А дочку себе оставил. Катюше в ту пору всего семь лет было. Серега долго ждал, что Ритка образумится. И суд не сразу их развел. Больше года дело тянулось. Катюше уже в школу идти, а Ритка пьяная валяется. Первое сентября – День знаний, а Ритка на ногах не стоит. Позор такую мать в школу на линейку вести. Потом новое дело. Девочке уроки делать, а Ритка снова в хлам. Ни по-

мочь, ни погулять, ни обед сварить. Куда такой матери девочку отдавать? Сергей себе ее и забрал.

– Но Рита с этим решением не смирилась?

– Да у нее семь пятниц на неделе! Как Катюша у Сереги, так Ритка хочет, чтобы девочка к ней приехала. Звонит, надоедает, ревет. Ну, Серега же не зверь, он девочку сначала к матери пускал. И денег с собой давал. А Ритка все пропи-вала. Уедет к ней Катюша вся нарядная, ранец полный игрушек да фломастеров разных. А вернется оборванка оборванкой. Ни ручек, ни карандашей, ни игрушек. Даже одежду и ту мать умудрялась пропивать. Ну, Сереге такое положение дел прискучило, он и перестал пускать Катюшу к матери. Тогда Ритка новый сценарий придумала. Заявила, что с водкой завязала. За ум взялась. И хочет, чтобы девочка с ней жила. Только Серега на такой финт не поддался. Ясно, что Ритка просто до алиментов добраться хочет. Смекнула, если Катюши с ней нет, то и денег тоже нет. А если Катюша с ней жить будет, то Сереге хочешь или не хочешь, а придется раскошелиться.

– Может, оно и неплохо, если девочка бы с родной матерью жила?

– Была бы Ритка нормальной матерью, разве бы суд отдал девочку отцу? – с горечью произнес Олег. – Вот Андрей на Женьку орет, а Евгения по сравнению с Риткой просто верх заботливости.

Таким образом, конец вечера оказался испорченным. Про

подруг все забыли. Андрей пытался дозвониться до Виктора, которого все подозревали в похищении Катюши, но безрезультатно. Где-то через час из города приехал Сергей – отец девочки. Он был сильно взволнован. И тут же помчался к малолетним свидетельницам произошедшего. Они уже собирали свой магазин, но Сергей их остановил и громким голосом стал допытываться у девчонок, как выглядел тот мужчина, который назвался дядей Катюши.

– Отвечайте! Живо! А не то я вас!..

Девочки поглядывали на него со страхом и жались к заборчику. Марине пришлось вмешаться, иначе перепуганные девчонки бы совсем ничего не сказали. С помощью Марины они слегка пришли в себя и кое-что припомнили, но, увы, показания девочек разительным образом отличались друг от друга. Одна уверяла, что мужчина был молодой, высокий и в темных очках. Другая твердила, что очков у него не было, а была темная кепка. Единственное, в чем девочки сходились, так это в том, что Катюша пошла с этим человеком по доброй воле.

– Он ее не тащил, не тянул, ничего такого. И Катюша нам сказала, что это ее дядя.

И еще девочки сказали, что «дядя» был на машине. И что машина была черной, низкой и с блестящими колесами. И что на руке у мужчины была татуировка, какая-то длинная надпись, как они выразились, на эльфийском языке.

– Блестящие колеса – это надо понимать, диски. А вот есть

ли у Витьки татуировка?

Этого никто не мог сказать.

– Татуировка дело наживное. Пошел да сделал. С такого балбеса станется. У них вся семейка дурная. Что Ритка твоя полоумная, что этот ее здешний братец, что тот заграничный. Тот другой вообще без башки.

– А машина похожая у Витьки есть?

– Нет, вроде бы нет. Но он мог ее у своих дружков одолжить. Или купил. Да кто его знает, что у него там происходит. Я и Ритку-то уже больше года не видел. А про Витьку и вообще года три ничего не слышал.

– И все-таки дело серьезное, – заметил Андрей. – Необходимо выяснить, кто именно забрал Катюшу. Как еще можно связаться с Виктором, если не по телефону?

– Домой к нему можно съездить.

– Так он и станет тебя дома дожидаться, – возразил дядя Степан. – Да еще с девчонкой. Уже увезли Катюшу в укромное место, где нам ее и не достать.

– А по мне, – снова вступил в разговор Андрей, – надо сразу в полицию обратиться. Одно дело, если мы к Виктору сами сунемся. Пошлет нас куда подальше, и вся недолга. И другое дело, если его в участок доставят и там допросят, как они умеют. Никакого права похищать ребенка он не имел. Ритка родительских прав лишена. И брат ее никакой Катюше не опекун. Так что это получается похищение несовершеннолетней, уголовное преступление.

Родственники принялись обсуждать, как им лучше поступить. И подруги почувствовали, что сейчас будет лучше удалиться. Никто не заметил их исчезновения. Даже Андрей с Олегом, которые совсем недавно глаз не сводили с Жанны, теперь и бровью не повели в ее сторону. И плевать им было, что Жанна уходит. Исчезновение маленькой Катюши начисто вытеснило из их голов все остальные мысли. Вслед подругам неслись ругательства и угрозы в адрес Евгении, не уследившей за девочкой, и особенно жуткие проклятия звучали из уст Сергея в адрес Ритки и ее брата, осмелившихся перейти ему дорогу.

Глава 5

Поздно ночью к подругам постучалась Евгения.

– Откройте! Прошу вас!

Голос ее звучал жалобно. И вид у женщины был не особенно хорош. Под глазом расплывался внушительных размеров фингал. Из носа шла кровь. И передвигалась она как-то странно, боком, можно было подумать, что парочка ребер у нее сломана.

– Распсиховались мужики из-за девчонки, – пояснила она подругам. – А как выпили, еще больше расстроились. На мне злость и сорвали. Можно я у вас тут до утра отсижусь?

– Пожалуйста. Думаешь, к утру они Катюшу отыщут?

– А я знаю? Может, отыщут. А может, что и нет.

Подругам показалось, что в голосе Евгении проскользнула нотка торжества. И им невольно подумалось, уж не имеет ли мачеха какое-либо отношение к исчезновению Катюши. Так-то Евгения с девочкой ладили. Но кто знает, вдруг это была лишь маска? Все-таки отношения мачехи и падчерицы всегда напряженные.

Внезапно Евгения заговорила:

– Так-то, может, и правильно, чтобы Рита забрала дочку себе. Как ни крути, а деньги эти в большей степени принадлежат ей, чем Сереге с Андреем. Они-то двое совсем никакого отношения к капиталам стариковским не имеют. Не им

старик свои деньги оставлял, совсем не им.

– О ком ты говоришь? Что за старик?

– Дед Катюшкин, отец Ритки. Думаете, чего Андрей с Сергеем так переполошились, когда узнали, что Катюша исчезла?

– Как же... Одному из них она дочь, второму племянница.

– Да начхать бы им на это было, но потеря денег покоя не дает. Катюшка у нас богатенькая девочка. Ей дед все свое состояние отписал по завещанию. А там много всего разного имеется. Мы все на эти деньги очень славно все эти годы жили. Ритку полоумной алкашкой у них весьма ловко получилось выставить. Нет, я ничего не говорю, Ритка и сама им козыри сдала. Все сделала, чтобы муженек над ней верх поимел. Сама во всем виновата. Если бы она иначе себя вела, стал бы ее отец такое дурацкое завещание писать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.